

УДК 355/359

ББК 68

К 12

Chris Kyle, Scott McEwen, Jim DeFelice

AMERICAN SNIPER

The Autobiography of the Most Lethal Sniper in U.S. Military History

Copyright © William Morrow 2012

Published by arrangement with HarperCollins Publishers, Inc.

Кайл К.

К 12 Американский снайпер. Автобиография самого смертоносного снайпера XXI века / Крис Кайл, Скотт Макьюэн, Джим ДеФелис ; [пер. с англ. А. Баранова]. – М. : Яуза : Эксмо, 2014. – 384 с. – (Супер-Снайпер. Мемуары).

ISBN 978-5-699-70272-5

Автобиографическая книга, написанная Крисом Кайлом при сотрудничестве Скотта Макьюэна и Джима ДеФелис, вышла в США в 2012 г., а уже 2 февраля 2013 г. ее автор трагически погиб от руки психически больного ветерана Эдди Р. Рута, бывшего морского пехотинца, страдавшего от посттравматического синдрома.

Крис (Кристофер Скотт) Кайл служил с 1999 до 2009 г. в рядах SEAL – элитного формирования «морских котиков» – спецназа американского военно-морского флота. Совершив четыре боевых командировки в Ирак, он стал самым результативным снайпером в истории США. Достоверно уничтожил 160 иракских боевиков, или 255 по другим данным.

Успехи Кайла сделали его популярной личностью не только среди соотечественников, но даже и среди врагов: исламисты дали ему прозвище «аль-Шайтан Рамади» («Дьявол Рамади») и назначили награду за его голову.

В своей автобиографии Крис Кайл подробно рассказывает о службе в 3-м отряде SEAL и собственном участии в боевых операциях на территории Ирака, о коллегах-снайперах и об особенностях снайперской работы в условиях современной контртеррористической войны. Немалое место он уделит также своей личной жизни, в частности взаимоотношениям с женой Таей.

Книга Криса Кайла, ставшая в США бестселлером, написана живым и понятным языком, дополнительную прелесть которому придает профессиональный жаргон ее автора. Российское издание рассчитано на самый широкий круг читателей, хотя, безусловно, особый интерес оно представляет для «людей в погонах» и отечественных ветеранов «горячих точек».

УДК 355/359

ББК 68

© Баранов А., перевод на русский язык, 2013

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-70272-5

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	ЗЛО В ПЕРЕКРЕСТЬЕ ПРИЦЕЛА	8
ГЛАВА 1	ОБЪЕЗДКА ЛОШАДЕЙ И ДРУГИЕ СПОСОБЫ РАЗВЛЕЧЬСЯ	15
ГЛАВА 2	ОБРАБОТАН ОТБОЙНЫМИ МОЛОТКАМИ	29
ГЛАВА 3	ВЫСАДКИ НА СУДА	66
ГЛАВА 4	ПЯТЬ МИНУТ ЖИЗНИ	82
ГЛАВА 5	СНАЙПЕР	101
ГЛАВА 6	ИГРЫ СО СМЕРТЬЮ	125
ГЛАВА 7	ГЛУБЖЕ В ДЕРЬМО	166
ГЛАВА 8	СЕМЕЙНЫЕ КОНФЛИКТЫ	206
ГЛАВА 9	КАРАТЕЛИ	228
ГЛАВА 10	ДЬЯВОЛ РАМАДИ	261
ГЛАВА 11	ПОВЕРЖЕННЫЙ	284

ГЛАВА 12	ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА	306
ГЛАВА 13	СМЕРТНОСТЬ	333
ГЛАВА 14	ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ И ОТСТАВКА	358
	БЛАГОДАРНОСТИ	380

ПРОЛОГ

ЗЛО В ПЕРЕКРЕСТЬЕ ПРИЦЕЛА

КОНЕЦ МАРТА 2003 ГОДА. ПРИГОРОД НАСИРИИ, ИРАК

Я смотрел сквозь оптический прицел снайперской винтовки, разглядывая улицу маленького иракского городка. В пятидесяти ярдах от меня женщина открыла дверь и вышла с ребенком из домика.

Больше никого не было видно. Местные жители попрятались по домам, и лишь самые любопытные выглядывали из-за занавесок в окна и ждали, что будет дальше. Вдали слышался шум приближающейся колонны американских войск. Подразделения морской пехоты продвигались на север, чтобы освободить страну от Саддама Хусейна.

Нашему взводу было поручено обеспечить безопасность морских пехотинцев. Несколько часов ранее мы скрытно заняли полуразрушенное здание, и в данный момент следили, чтобы морпехи не попали в засаду.

Дело казалось очень простым, и я был рад, что морская пехота на нашей стороне. При виде их огневой мощи совсем не возникало желания помериться с морпехами силами. У иракской армии шансов не было. Совсем. Иракцы, видимо, это и сами понимали, и мы не без оснований считали, что их армия уже покинула эту территорию.

Война к тому времени шла почти две недели. Мой взвод «Чарли» (позднее «Кадиллак»¹) 3-го разведывательно-диверсионного отряда SEAL активно участвовал в ней с самого начала, с раннего утра 20 марта. Мы высадились на полуостров Фао² и заняли нефтеналивной терминал, чтобы Саддам не мог поджечь его, как в 1991 году во время первой войны в Заливе. Теперь мы прикрывали морпехов, продвигавшихся на север к Багдаду.

Я был «морским котиком», военнослужащим спецназа ВМС США. Само название нашей службы (SEAL³) в полной мере отражает широкий спектр возможных театров ее применения. В данном случае мы находились далеко от берега, в глубине материка, гораздо дальше, чем обычно, но в ходе войны с терроризмом это стало обычным делом. Три последних года я провел в тренировках и учениях, я стал настоящим солдатом; я был подготовлен к бою, насколько это вообще возможно.

У меня в руках была снайперская винтовка взводного старшины — точнейшее оружие с ручной перезарядкой под патрон Винчестер Магнум калибра 7,62 мм⁴. Шеф⁵ какое-то время при-

¹ В американской армии подразделения именуются в алфавитном порядке, например, 1-й взвод — А, 2-й взвод — В, и так далее. Во избежание недоразумений и ошибок при голосовой передаче используется специальная техника произношения букв и цифр (фонетический алфавит). В этом алфавите литере С соответствует слово *Charlie* (слово «Кадиллак» (*Cadillac*) тоже начинается с этой буквы), значит, Кайл служит в третьем взводе. (Здесь и далее *прим. пер.*)

² Фао — полуостров в районе, прилегающем к Персидскому заливу на крайнем юго-востоке Ирака, около Басры (Ирак) и Абадана (Иран). Здесь располагается ряд важных нефтяных объектов Ирака, прежде всего два основных нефтяных терминала: Хор аль-Амаия и Мина аль-Баقر. Единственный значительный город на полуострове — Умм-Каср, рыбацкий городок и порт, который был основной морской базой Ирака до вторжения вооруженных сил США и Великобритании. В 2003 году американские и британские войска в течение нескольких дней захватили Фао. Но бои за Умм-Каср продлились гораздо дольше, и командование союзников несколько раз было вынуждено дезавуировать свои сообщения «о взятии Умм-Касра».

³ Navy SEAL (англ. *Sea, Air and Land* — море, воздух, земля) (букв. «Тюлени» или «Морские котики») — основное тактическое подразделение Сил специальных операций (ССО) ВМС США, предназначенное для ведения разведки, проведения специальных и диверсионных мероприятий, поисково-спасательных операций и выполнения других задач. «Морские котики» — одно из самых подготовленных и оснащенных подразделений специального назначения в мире.

⁴ Характерная особенность этого патрона — очень высокая начальная скорость пули, обеспечивающая большую дальность прямого выстрела, и, соответственно, мощная отдача.

⁵ Шеф взвода (*Platoon chief*) — должность во взводе «морских котиков», обычно замещаемая военнослужащим в ранге петти-офицера (*Petty Officer*), что примерно соответствует главному старшине российского флота.

крывал улицу, и теперь ему требовался отдых. Он попросил сменить его и дал мне свое оружие, а это значило, что он верит в мои силы. Я все еще считался в отряде новичком, и по стандартам SEAL меня еще нужно было проверить в деле.

Я не был снайпером, хотя и собирался им стать во что бы то ни стало. Старшина дал мне в руки винтовку, и это был его способ проверить меня.

Мы лежали на крыше обветшавшего здания на окраине города, через который собирались пройти морпехи. Вдоль разбитой дороги под нами ветер гонял пыль и обрывки бумаги. Воняло сточными водами, этот типичный иракский запах — единственное, к чему я так и не смог привыкнуть.

Здание стало подрагивать.

«Морпехи на подходе, — сказал старшина. — Продолжай наблюдать».

Я снова взглянул в оптический прицел. На улице никого не было, не считая женщины и пары детей.

Колонна морской пехоты остановилась. Из машин выпрыгнули десять молодых, гордых собой парней в красивой униформе, — пеший патруль. Как только они построились, женщина быстро достала что-то из-под платья, и я заметил резкое движение, которое она совершила второй рукой.

Она выдернула предохранительную чеку из гранаты, но в тот момент я этого еще не осознал.

«Мне это не нравится», — сказал я старшине. Впрочем, он прекрасно все видел сам.

«Угу, что-то не так... Да у нее граната в руке! Это китайская граната!»

«Вот черт!»

«Давай, стреляй».

«Но...»

«Стреляй. Стреляй по гранате. Там наши!»

Я колебался. Рация молчала — связи с морпехами не было. Отряд двигался вниз по дороге, прямо навстречу женщине.

«Стреляй!» — прогремел голос старшины.

Я нажал на спусковой крючок. Пуля вылетела из ствола.

Грохнул выстрел. Из руки женщины выпала граната. После второго выстрела граната взорвалась.

Так я впервые убил человека из снайперской винтовки. В первый раз в Ираке, и в первый и в последний раз кого-то, кто не был вооруженным мужчиной.

Я должен был стрелять, и я не жалею об этом. Женщина была уже мертва, я просто сделал все для того, чтобы никто из морпехов не составил ей компанию.

Мне очевидно не только то, что она хотела убить морских пехотинцев; ей было абсолютно все равно, что станет с детьми на улице, с людьми в домах по соседству, возможно, с ее собственным ребенком, с теми, кто погибнет от взрыва или в последующей перестрелке ...

Ее ослепило зло, она не думала ни о чем больше. Она просто хотела убить американцев любой ценой.

Мои выстрелы спасли нескольких моих соотечественников; их жизни, несомненно, были более ценными, чем извращенная душа той женщины. Будучи абсолютно уверен в правильности своего поступка, я готов предстать перед Господом. Я всей душой ненавидел то зло, что было в женщине. Я ненавижу его по сей день.

Дикое, непредставимое зло. Вот с чем мы сражались в Ираке. Вот почему многие, включая меня, называли наших противников «дикарями». Никак по-другому не назовешь то, с чем мы там столкнулись.

Люди постоянно спрашивают меня: «Сколько же ты убил?» Обычно я отвечаю: «А что, от ответа на этот вопрос зависит, в какой степени я могу считаться человеком?»

Число не имеет значения. Я бы хотел убить больше. Не из хвастовства; я искренне считаю, что мир станет лучше, если в нем не будет дикарей, убивающих американцев. Все жертвы моих выстрелов в Ираке пытались нанести вред американцам и иракцам, лояльным к новому правительству.

Я служил в спецназе ВМС и делал свое дело. Я убивал врагов, которые денно и ночью планировали убийства американцев. И если им удавалось достичь своей цели, это тяжелым грузом

ложилось на меня. Такое бывало не часто, но потеря даже одной американской жизни — это слишком много.

Меня не волнует, что думают обо мне другие люди. Именно эта черта больше всего восхищала меня в моем отце, когда я вырослел: ему было все равно, что о нем думают другие. Он был самим собой. Это одно из качеств, позволивших мне сохранить себя.

Несмотря на то что эта книга вот-вот уйдет в печать, мне немного не по себе из-за того, что я публикую историю моей жизни. Во-первых, я всегда считал, что если кого-то интересует, как быть членом разведывательно-диверсионного отряда SEAL, он должен получить свой собственный Трезубец: заслужи право носить наш отличительный знак, символ того, чем мы являемся. Выдержи подготовку, принеси жертвы, физические и моральные. Другого пути нет.

Во-вторых, кому какое дело до моей жизни? Я ничем не отличаюсь от остальных людей.

Да, я попадал в разные переделки. Говорят, это интересно, но я так не думаю. Другие сами предлагают написать книгу о моей жизни и о том, что я делал. Это немного странно. Поскольку это моя жизнь, уж лучше я сам расскажу все, как было.

Есть много достойных людей, о которых стоит рассказать, и никто этого не сделает за меня. В общем, не нравится мне эта идея с книгой. Не меня надо прославлять.

ВМС утверждают, что я самый результативный снайпер за всю историю американских вооруженных сил. Скорее всего это правда. Вот только с окончательным результатом они не могут определиться: сперва говорят о 160 убитых, потом это число значительно растет, а спустя некоторое время оказывается посередине. Хотите знать итоговый результат? Обратитесь к ВМС. Если вам повезет и вы найдете с нужного направления, возможно, вам скажут правду.

Люди так устроены: им нужно число. Впрочем, даже если бы мне дали официальное разрешение, я бы числа не назвал. Мне не важны числа. Те, кто служат в SEAL, не ищут публичной славы, а я «морской котик» до глубины души. Если вы хотите знать

все точно, добудьте свой Трезубец. Если хотите меня проверить — спросите у того, кто служит в отряде.

Если вам нужна та история, которую я готов рассказать, — пусть даже без особого желания, — читайте дальше.

Я не самый лучший стрелок и не самый лучший снайпер, и я отнюдь не скромничаю. Мне много пришлось работать, чтобы отточить свои умения, но все было бы не впрок, если бы не гениальные инструкторы, которые заслуживают самых лучших характеристик. И вот еще что: основной вклад в мой успех внесли парни из SEAL, армии, морской пехоты, которые сражались вместе со мной и помогали мне делать мою работу. Мой высокий снайперский счет, и моя так называемая «легенда» во многом связаны с тем, что я очень долго был в дерьме. У меня просто было больше возможностей, чем у других. Я оттрубил в Ираке шесть лет, с самой высадки в 2003 году и до моего увольнения в 2009-м. И все это время мне посчастливилось быть на передовой.

Есть еще один вопрос, который мне любят задавать: «Не тяготит ли вас то, что вы убили столько людей в Ираке?»

Я отвечаю: «Нет».

Я серьезно. Когда ты впервые стреляешь в кого-то, то нервничаешь. Думаешь: а смогу ли я выстрелить? Как оно, действительно ли все будет о'кей? И лишь увидев труп своего врага, ты понимаешь, — все действительно о'кей. Все просто отлично!

Ты делаешь это снова. Потом снова и снова. Ты убиваешь врагов, чтобы они не смогли убить тебя или твоих соотечественников. И так до тех пор, пока стрелять будет не в кого.

Это и есть война.

Мне нравилась моя работа. Она и сейчас мне нравится. Если бы обстоятельства моей жизни сложились по-другому, если бы я не был так нужен моей семье, я бы вернулся туда, где столько адреналина. Я не вру и не преувеличиваю, когда говорю, что это было весело. В SEAL я жил настоящей жизнью.

Какие только ярлыки мне не навешивали: крутого парня, задницы, «морского котика», старого доброго традиционалиста и даже такие, которые вряд ли подойдут для книги. И во всем

этом есть доля истины. В конце концов, моя история о пребывании в Ираке и вне его — это больше, чем история об убийстве людей или о сражениях за свою страну.

Это история о том, как быть человеком. История о любви и о ненависти.

ГЛАВА 1

ОБЪЕЗДКА ЛОШАДЕЙ И ДРУГИЕ СПОСОБЫ РАЗВЛЕЧЬСЯ

КОВБОЙ В ДУШЕ

У каждой истории есть свое начало.

Моя началась в северной части Центрального Техаса. Я вырос в маленьких городках, где сильны традиционные ценности: семья, патриотизм, уверенность в своих силах, как важно присматривать за своей семьей и помогать соседям. Я могу сказать, что до сих пор пытаюсь жить в соответствии с этими ценностями. У меня обостренное чувство справедливости, и жизнь я вижу в черно-белых тонах, без оттенков серого. Мне кажется, что защищать других — очень важно. Я никогда не отказываюсь от тяжелой работы, но в то же время не прочь повеселиться. Жизнь слишком коротка, чтобы этого не делать.

Меня растили в христианской вере, я до сих пор не утратил ее. Если бы было нужно, я бы расставил свои приоритеты в следующем порядке: Бог, Страна, Семья. Можно поспорить по поводу второго и третьего места, так как со временем я пришел к убеж-

дению, что при некоторых условиях Семья может быть важнее. Впрочем, разрыв очень маленький.

Я всегда любил оружие, обожал охоту, и в определенном смысле вы могли бы назвать меня ковбоем. Я научился держаться в седле тогда же, когда начал ходить. Впрочем, нынче я бы себя ковбоем не назвал: прошло слишком много времени с тех пор, как я работал на ранчо, и я разучился обращаться с лошадьми. Но если я не спецназовец ВМС, то точно ковбой, или должен был бы им быть. Проблема в том, что это нелегкая жизнь, особенно когда у тебя семья.

Я не помню точно, когда я начал охотиться, но знаю, что это было в детстве. В нескольких милях от дома у моей семьи была охотничья земля, которую мы сдавали (для янки⁶ я поясню — это значит, что у собственника есть участок земли, на котором он за деньги предоставляет право охотиться. Платишь деньги и иди охотиться. Наверное у вас, там, где вы живете, дело обстоит иначе. Но здесь подобное в порядке вещей). Там мы и сами охотились каждую зиму. Кроме оленей, мы охотились на индеек, диких голубей и перепелок, смотря по сезону. Мы — это мой отец, мама, я и мой брат, который младше меня на четыре года. Выходные мы проводили в нашем старом кэмпере, доме на колесах. Он был невелик, но для нашей дружной сплоченной семьи места хватало, и нам было хорошо.

Мой отец работал в Юго-Западном отделении Bell и AT&T, и на протяжении своей карьеры отец пережил разделение компаний и их повторное слияние. Он работал менеджером, и с каждым его повышением, происходившим довольно регулярно, мы переезжали на новое место. Так что я рос в Техасе в буквальном смысле везде.

Несмотря на то что отец быстро продвигался по карьерной лестнице, он ненавидел свою работу. Не совсем работу, если быть точным, а то, что было ее неотъемлемой частью: бюрократию, сидение в офисе, ежедневную необходимость надевать костюм и галстук.

⁶ Янки — здесь: житель северо-восточных штатов США.

«Не имеет значения, сколько у тебя денег, — говорил он мне. — Деньги не приносят счастья сами по себе». Самый ценный его совет звучал так: «Делай в жизни то, что хочешь». До сих пор я стараюсь следовать этой философии.

Во многом отец был моим самым лучшим другом, пока я рос, но в то же время он смог сочетать нашу дружбу с жесткой дисциплиной. Существовала граница, которую я не мог перейти даже в мыслях. Когда я того заслуживал, мне доставалась добрая порка (у вас, янки, это называется «отшлепать»), но не больше чем нужно, и никогда отец не наказывал меня в гневе. Если он злился, то он сначала несколько минут давал себе остыть, и только потом принимался за мое наказание. Все было под контролем. Потом он обнимал меня.

Мы частенько дрались с братом. Хоть он и на четыре года младше, но характер у него еще тот. Он всегда шел до конца и никогда не просил пощады. Он один из самых близких мне людей. Несмотря на то что мы устраивали друг другу настоящий ад, мы весело проводили время вместе, и я всегда чувствовал его поддержку.

В холле нашей старшей школы стояла статуя пантеры. Каждый год, традиционно, ребята из выпускного класса пытались посадить на эту статую новичков. В год, когда я выпускался, мой брат стал старшеклассником. Я предложил сто баксов тому, кто усадит его на пантеру. В общем, та сотня до сих пор хранится у меня.

Я довольно часто дрался, но драки затевал не я. Отец рано дал понять, что если я буду задирааться ко всем, то порки не избежать. Он считал, что мы должны быть выше этого.

Зато мне не запрещали драться, если нужно было постоять за себя. Тут я отрывался по полной. А уж когда пытались бить брата (если кому-то приходила в голову такая идея), то имели дело со мной. Бить брата мог только я сам.

Как-то так получилось, что я принялся защищать ребят младше меня, которым доставалось в школе. Я чувствовал, что должен приглядывать за ними, и это стало моей обязанностью.

Может быть, это началось из-за того, что я умел найти оправдание для драки, не влипнув в историю. Но мне кажется, дело не только в этом: привитое отцом чувство справедливости и стрем-

ление к честной игре влияли на меня больше, чем я тогда осознавал это. Даже больше, чем я могу объяснить сегодня, когда вырос. Но, в чем ни была причина, я мог драться, сколько захочу, благо поводов хватало.

Моя семья искренне верит в Бога. Отец был дьяконом в церкви, а мама преподавала в воскресной школе. Я помню, как мы ходили в храм каждое воскресное утро и вечер, и в вечер среды. И все равно мы не считали себя сильно религиозными, просто хорошие люди, которые верят в Господа и живут жизнью общины. Честно говоря, тогда мне это не особенно нравилось.

Мой отец очень много работал. Подозреваю, что это семейная черта — мой дед был канзасским фермером, а это настоящие труженики. Одной работы отцу всегда было мало: у него был маленький магазин, и, когда я подрос, у нас появилось небольшое ранчо, где все мы трудились. Сейчас он уже официально на пенсии, но если не занят на ферме, то подрабатывает у местного ветеринара.

Моя мама тоже человек редкого трудолюбия. Когда мы с братом подросли достаточно, чтобы нас можно было оставить одних, она устроилась в местный центр по работе с трудными подростками. Это было очень непросто — справляться со сложными детьми, и со временем она оставила эту работу. Она также теперь на пенсии, но подрабатывает и приглаждает за внуками.

Работа на ферме помогала заполнить дни. У нас с братом были свои обязанности: объезжать и кормить лошадей, выпасать скот, проверять, цела ли ограда.

Скот всегда доставляет массу проблем. Лошади лягали меня в ноги, в грудь, и да, туда, где солнце не всходит. Зато меня никогда не лягали в голову. Хотя, может, это бы наставило меня на путь истинный...

Я выращивал бычков и телок для организации FFA⁷. Обожая это занятие, я провел много времени, ухаживая за скотом и представляя его на выставках, хотя это иногда очень выматывало.

⁷ *Future Farmers of America* («Будущие фермеры Америки») — общественная организация, основной целью которой является развитие навыков лидерства у молодежи, стремящейся сделать карьеру в области сельского хозяйства и агробизнеса.